

Гр. нр.
Q 952

36562

ЗНАЧЕНИЕ РИМСКАТО ПРАВА ДЛЯ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ

200575

Н. ДЮВЕРНУА.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ типографіи Г. Фалькѣ.

1872.

ВІСНИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ М. Бапустинъ.

СПБІУ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

1879

ЗНАЧЕНІЕ

РИМСКАГО ПРАВА ДЛЯ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ.

Вопросъ о преподаваніи Римскаго права въ русскихъ юридическихъ школахъ принадлежитъ къ наименѣе разъясненнымъ въ нашей юридической литературѣ,— и на русскомъ профессорѣ лежитъ серіозная и трудная обязанность дать отчетъ передъ аудиторіей и публикой въ его взглядахъ на средства и цѣли его дѣятельности, на практическое значеніе предмета, который преподается, на отношеніе Римскаго права къ русскому правовѣдѣнію, законодательству и суду.

Нигдѣ на западѣ въ этомъ отношеніи не могутъ имѣть мѣста тѣ сомнѣнія, съ которыми совершенно въ правѣ обратиться къ русскому преподавателю его слушатель или практическій юристъ, желающій уяснить себѣ стремленія и задачи русской юридической школы. Хотя не въ одинаковой мѣрѣ, однако и въ Германіи, и въ Италіи, и во Франціи ученый юристъ, судья, адвокатъ хорошо знаетъ, какія средства онъ приобрѣталъ въ школѣ, когда, переходя по ступенямъ отъ элементарныхъ занятій къ изученію первыхъ источниковъ, онъ овладѣвалъ юридическою матеріею классическаго міра. Значеніе и сила Римскаго права тамъ есть нѣчто данное, опредѣлившееся исторіей, не требующее никакихъ оправданій. Противъ Римскаго права тамъ возможно національное противодѣйствіе: оно составляетъ силу, съ которою нельзя не считаться и которая даже въ эту минуту,—когда чувство національности такъ неукротимо охватываетъ весь историческій міръ,—празд-

нуеть новыя торжества, и именно тамъ, гдѣ выше всего поднялся уровень національнаго сознанія, въ Германіи.

Въ какомъ отношеніи стоимъ мы къ этому универсальному явленію? и въ какомъ видѣ представляется намъ русское гражданское право?

Въ своихъ зачаткахъ чисто народное, подвергшееся потомъ нѣкоторому вліянію византійскаго, тоже мѣстнаго права, которое не имѣло, потому что не могло имѣть, универсальнаго значенія, русское гражданское право въ позднѣйшей эпохѣ образовалось подъ условіями самаго сильнаго стѣсненія имущественнаго оборота и личной свободы, и въ этомъ видѣ кодифицировано. Если мы примемъ образъ выраженія Савиньи, политической элементъ въ развитіи нашего права, т. е. живое отношеніе права къ народному сознанію, оскудѣлъ давно, и господство принадлежало элементу техническому,—это послѣднее понятіе въ томъ тѣсномъ смыслѣ, что завѣдываніе практикой сосредоточилось исключительно въ рукахъ особаго класса людей, приказныхъ чиновниковъ, которые одни знали законы и успѣли сообщить суду до крайней степени ненавистный характеръ. Современна кодификаціи въ жизни не произошло никакого поворота. Въ правѣ его не могло произойти. Взглядъ редакторовъ былъ обращенъ назадъ. Программа была существеннымъ образомъ ретроспективною, и исполнители имѣли въ этомъ смыслѣ полное основаніе мѣряться ростомъ съ Юстиніаномъ и Трибоніаномъ, хотя здѣсь сзади кодификаціи лежала великая жизнь права, великое богатство юридической литературы, чѣмъ, понятно, и опредѣлилось ея послѣдующее значеніе, а сзади Сперанскаго былъ великій хаосъ разновременныхъ указовъ. Надо было привести въ порядокъ то, что безъ ясной мысли, безъ всякаго плана громоздилось въ теченіи почти двухъ столѣтій одно на другое. Понятно, что такая работа, не смотря на всю ея трудность, не могла пробудить никакихъ ожиданій. Будущее было закрыто отъ взглядовъ Сперанскаго. Кодификаціи во Франціи, гдѣ революція разомъ прорвала всѣ разгородки, мѣшавшія свободному теченію имущественнаго

оборота, была актомъ творческимъ, который устанавливалъ гармонію новыхъ началъ, актомъ обращеннымъ къ будущему. Для нашего будущаго указанъ былъ одинъ порядокъ нумераціи новыхъ законовъ и предписанъ способъ сочетанія новыхъ статей со старыми. Увѣренія редакторовъ нашего свода, что научное т. е. *систематическое* изученіе *права* не можетъ имѣть мѣста прежде чѣмъ законодательство не будетъ приведено къ единству, это увѣреніе, — въ которомъ сама собою заключается надежда, что съ изданіемъ свода начнется въ Россіи научная дѣятельность юристовъ, которая будетъ освѣщать практику, — не могло оправдаться. Мы увидимъ далѣе, что кодификація повсюду производила совершенно обратное дѣйствіе. Тѣмъ менѣе умѣстны были эти ожиданія у насъ, гдѣ законодатель самъ до крайности слабо поощрилъ свободную дѣятельность мысли, предписавъ слѣдовать буквальному смыслу законовъ безъ всякаго измѣненія или распространенія, а на случай ихъ неясности обращаться въ высшія учрежденія за разъясненіемъ. Если мы въ нашей юридической литературѣ, по времени слѣдовавшей за появленіемъ свода, дѣйствительно замѣчаемъ нѣкоторое оживленіе, то это для иныхъ лицъ объясняется ихъ сближеніемъ съ интересами и задачами западной литературы, для другихъ любовью къ родной старинѣ, конечно, въ значительной степени поощренною правительственными изданіями старинныхъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Эти ученые труды впрочемъ почти всегда имѣли задачи, весьма отдаленныя отъ интересовъ практики.

Въ такомъ состояніи находилось русское право, когда освобождающіе акты нынѣшняго царствованія открыли совершенно новаго рода задачи для нашей юриспруденціи. Судебные уставы 1864-го года измѣнили не только всѣ начала стараго процесса, но вмѣстѣ съ этимъ они поставили судъ въ совершенно новое отношеніе къ источникамъ права. При томъ же почти состояніи гражданского кодекса, въ которомъ онъ находился до реформъ, судья русскій долженъ отвѣчать такимъ требованіямъ, которыя до послѣдняго времени были подъ силу только

суду, имѣющему въ руководство и Code Napoléon, и Римское право, и богатую юридическую литературу. Ни неполнота, ни неясность, ни противорѣчіе закона, ни наконецъ недостатокъ (т. е. отсутствіе) закона не должны останавливать судебную дѣятельность, и въ этихъ случаяхъ судъ обязанъ основывать свое рѣшеніе на общемъ смыслѣ закона, подъ страхомъ подвергнуться отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи. Мы испытываемъ тотъ поворотъ въ образѣ мыслей законодателя, который въ свое время одни за другими испытывали Французы, Пруссаки, Австрійцы. Долгое время, и еще отчасти въ началѣ нашего вѣка, господствовалъ взглядъ на право, какъ на продуктъ произвола законодателя, и съ этой точки зрѣнія суду могло быть предоставлено по большей мѣрѣ буквальное истолкованіе его воли. Толкованіе допускалось только какъ неизбежное зло, и лучшія стремленія направлены были къ тому, чтобъ совершеннѣйшими законами вовсе устранить потребность въ немъ. Если бы при всемъ томъ остались все такитемныя мѣста, то судъ долженъ былъ искать уясненія чрезъ законодательную власть. При публикаціи Дигестовъ въ 533 году lex 2 § 21 C de vetere jure enucl. (1, 17) опредѣлилъ, что судья, вслучаѣ сомнѣнія насчетъ смысла закона, обязанъ обращаться къ императору, cui soli concessum est leges et condere et interpretari (cf. l. 12 C de leg. 1. 14). Съ указаніемъ на l. 12 cit., законъ 24 августа 1790 года во Франціи предписывалъ судьямъ относиться къ законодательному собранію toutes les fois qu'ils croiraient necessaire d'interpreter une loi. Согласно введенію къ Прусскому Ландрехту (§ 47) судья долженъ въ случаяхъ сомнѣнія въ смыслѣ закона предлагать ихъ на разрѣшеніе законодательной комиссіи. Въ Австріи, наконецъ, императоръ Іосифъ запретилъ суду всякое толкованіе законовъ кажущихся неясными и допустилъ только буквальное толкованіе.—Перемѣны къ лучшему происходили медленно, пока наконецъ дѣятельность судьи изъ простой механической обратилась въ высшую, духовную, творческую дѣятельность. Во французскомъ Code Napoleon принять былъ

знаменитый article IV, который съ самомъ дѣлѣ дышетъ античнымъ характеромъ. По силѣ этого положенія, le Juge qui refusera de juger sous pretexte du silence, de l'obscurité ou de l'insuffisance de la loi, pourra être poursuivi comme coupable de déni de justice (Argum. ex. Novella 115 cap. 1 et legg 12, 13, D. de legibus; l. 7, § 1 D. de just. et jure). Въ Пруссiи судья долженъ былъ рѣшать подлежащiе случаи по общимъ правиламъ объ истолкованiи законовъ. Въ Австрiи императоръ Леопольдъ дозволилъ судьямъ философское истолкованiе законовъ, возбуждающихъ сомнѣнiе. Вотъ откуда происходятъ и какой характеръ носятъ на себѣ 9-ая и 10-ая статьи ноябрьскихъ уставовъ.

Ни для кого это новое положенiе не могло стать такимъ обоюдоострымъ орудiемъ, какъ для нашей практики. Тамъ, гдѣ вопросы суда обращены къ явленiямъ противнымъ праву и вызывающимъ карательную дѣятельность, тамъ, гдѣ оскорбляется непосредственное чувство правды,—въ области преступныхъ дѣянiй мы отыскали родственное народному русскому духу учрежденiе присяжныхъ и съ помощью его нашли выходъ изъ многихъ труднѣйшихъ вопросовъ судебной практики. Но есть другая сфера юридическихъ отношенiй, гдѣ въ массѣ случаевъ непосредственное чувство не можетъ подсказать своего рѣшающаго слова, гдѣ оно даже вовсе не пробуждается; гдѣ нѣтъ ни спора, ни вины, ни милости, но гдѣ необходима твердая, предшествующая всякимъ сомнѣнiямъ, постоянная организующая дѣятельность; гдѣ не поврежденiя зданiя исправляются по старому образцу, а гдѣ оно первоначально создается, и отъ расчета строителя, отъ точности исполненiя зависитъ все дѣло. Такова область гражданскаго права, которую, начиная съ Лейбница, и особенно Савиньи, такъ часто сравнивали съ математикой. Какое же средство въ этой области найти выходъ изъ трудной проблемы, которую должна разрѣшить наша практика въ виду новаго отношенiя суда къ закону?

Вы видѣли старый взглядъ на право, отождествляв-

шій понятія права и законодательства. Откуда же возникли эти новые взгляды, которые произвели такой глубокой поворотъ въ самыхъ основахъ отправленія юстиціи? Я буду касаться лишь косвеннымъ образомъ тѣхъ ученій такъ называемаго естественнаго права, которыя волновали умы людей прошлаго столѣтія. Солидная научная метода и постройка юридическихъ ученій началась позже. Она составляетъ заслугу нашего вѣка. Это научное движеніе обнаружилось въ Германіи.

Не смотря на глубокое значеніе философскаго генія въ исторіи нѣмецкой мысли, не на этой почвѣ созрѣлъ отвѣтъ на трудную загадку о происхожденіи права. Заслуга принадлежит такъ называемой исторической школѣ. Мы должны внимательно остановиться на этомъ явленіи, чтобы найти ключъ къ современнымъ интересамъ юридической литературы. Вамъ можетъ казаться, что мы такимъ образомъ уклоняемся отъ нашей непосредственной задачи, отъ права гражданскаго и именно римскаго, ибо историческій приѣмъ изученія есть общій для всей области права такъ же какъ и для области политики. Но дѣло въ томъ, что на задачахъ именно гражданскаго права выработался современный приѣмъ историческаго изслѣдованія, что это есть наука юридическая по преимуществу, и что, наконецъ, именно явленія развитія Римскаго гражданскаго права привели Савиньи къ его глубокимъ идеямъ. Такимъ образомъ, ознакомившись сперва съ исторической школой, мы опредѣлимъ потомъ отношеніе Римскаго права къ задачамъ изученія самой природы права, и тогда укажемъ, въ какое отношеніе къ Римскому праву должна, подъ вліяніемъ послѣднихъ перемѣнъ, стать наша школа, наука и практика.

Еще въ исходѣ прошлаго вѣка въ Германіи смыслъ историческій и національный заявлялъ свой протестъ противъ господства французской философіи съ ея отрѣшенными, неисторическими идеалами естественнаго права. Имена Мёзера и Шлоссера служили предвѣстниками новаго направленія изслѣдованій. Около 1790 г. молодой докторъ правъ Густавъ Гуго, ученикъ Гейне и Шпиттлера,

первый своимъ преподаваніемъ, руководствамъ, періодическими изданиями произвелъ поворотъ въ направленіи университетскихъ занятій и приучалъ новое поколѣніе къ серіозному труду надъ источниками и къ пониманію исторической истины. Ему принадлежитъ до сихъ поръ не потерявшее значеніе руководство къ исторіи Римскаго права. Въ продолженіи 40 лѣтъ не было явленія, на которое не отозвался бы знаменитый гёттингенскій профессоръ. Но для того, чтобъ совершился переворотъ въ наукѣ, нужно было другое лицо и другія условія.

Имя Савиньи стало извѣстно еще съ первыхъ годовъ XIX вѣка, когда появилось его сочиненіе о правѣ владѣнія. Едва выходя изъ юношескаго возраста, благодаря строгому изученію источниковъ, онъ занялъ разомъ самое видное мѣсто между представителями науки. Въ своемъ изслѣдованіи Савиньи стоялъ на чисто—классической почвѣ, и критика справедливо указывала въ немъ счастливое сочетаніе тонкой экзегезы Куяція и стройнаго догматическаго смысла Донелля. Въ 1811 г. Нибуръ издалъ въ 1-й разъ свою Римскую исторію. Послѣ минутнаго проблеска итальянскаго генія въ лицѣ Джіанбаттиста Вико,—никто не поднимался на эту высоту пониманія и истолкованія историческихъ явленій. Въ настоящемъ короткомъ очеркѣ, обращенномъ преимущественно къ праву, я не могу долѣе остановиться на оцѣнкѣ знаменитаго сочиненія и указать отношеніе Нибура къ Вико съ одной стороны, съ другой къ французскимъ писателямъ Бофору и Монтескье. Римъ съ его колыбели, италійскія племена, таинственный духъ патриціата воскресали передъ глазами читателя. Воспитанный въ школѣ свѣта, знавшій людей и дѣла, посвященный во всѣ тайны политическаго, торговаго, финансоваго міра, даже не чуждый знакомства съ военной организаціей,—онъ былъ совершенно призванъ быть истолкователемъ судебъ великаго народа.

Оба сочиненія, и Савиньи и Нибура, свидѣтельствовали ясно, на какую высоту поднялись классическія штудіи въ нѣмецкомъ ученomъ мірѣ. Было около чего сосредоточиться пробуждающемуся національному духу Германіи.

Между тѣмъ дѣйствительность представляла ужасныя явленія. Изъ году въ годъ чужое, французское законодательство, не меньше чѣмъ французское оружіе, завоевывало себѣ одну провинцію за другою. Въ 807 г. оно вводится въ Вестфалии, въ 808 г. въ Аренбергѣ, черезъ годъ въ Баденѣ, еще годъ спустя во Франкфуртѣ. Только Лейпцигская битва остановила дальнѣйшіе успѣхи чужаго закона. Вы поймете, М. Г., какимъ чувствомъ были одушевлены нѣмецкіе юристы, и какой смыслъ имѣло появленіе въ такое время знаменитой брошюры гейдельбергскаго профессора Тибо, призывавшаго Германію создать общегерманскій кодексъ гражданскаго права. Германія свободна,—писалъ великій истолкователь законовъ въ своемъ манифестѣ,—и мы должны стереть великій слѣдъ французскаго господства. Средствомъ для этого должна послужить новая кодификація, новое гражданское законодательство.

Вопросъ былъ поставленъ очень ловко и могъ имѣть, въ виду вѣнскаго конгресса, практическіе результаты. Тогда появилась знаменитая брошюра Савиньи «О призваніи нашего времени къ законодательству и юриспруденціи.» Конечно, не много мы насчитаемъ книгъ, которыя въ короткое время повлекли за собою такіе важныя результаты, какъ это небольшое сочиненіе. Вниманіе было напряжено со всѣхъ сторонъ. Слава имени Тибо, его непогрѣшимый авторитетъ въ вопросахъ толкованія законовъ, и съ другой стороны, свѣтъ простыхъ и глубокихъ истинъ, страстный голосъ убѣжденія.... Не надо быть нѣмецкимъ патриотомъ, чтобъ оцѣнить достоинство и глубину мыслей этого писателя. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ мыслителей съ этой книги ведетъ генезисъ своего юридическаго призванія. Когда, окончивъ реторику и философію, говоритъ Legminier, въ горячкѣ увлеченія, которую переживаетъ юноша въ 19 лѣтъ, я долженъ былъ *faire mon droit*, съ какимъ тоскливымъ чувствомъ и горечью я открылъ *les cinq codes*. Надо было промѣнять всю свѣжесть идеальныхъ стремленій на этотъ мертвый циклъ занумерованныхъ статей, и никакой иной пищи

кромѣ бездушныхъ и безжизненныхъ формулъ! Въ эти грустныя минуты простая случайность открыла мнѣ книгу Савиньи. Я не могъ очнуться отъ изумленія. Писатель, который различаетъ законъ и право...., писатель, который видитъ и раскрываетъ въ правѣ нѣчто исполненное жизни и драматизма....., передъ суровой и твердой критикой котораго падаетъ мертвящій авторитетъ *буквы закона*. И такъ, законодательство и право не одно и то же, не одно и то же пять кодовъ и мое призваніе! Я пошелъ дальше въ моихъ литературныхъ изысканіяхъ.

Если въ жизни отдѣльнаго лица, посвящающаго себя юриспруденціи, идеи Савиньи способны стать такой свѣтлой и продуктивной точкой отправленія, какъ у Legm-
nier, то въ исторіи науки его именемъ опредѣляется поворотный пунктъ, созданіе новой школы, школы исторической, которая, по счастливому выраженію извѣстнаго гейдельбергскаго публициста Блунчли, если перестала быть школой, то потому только, что ея идеи стали общим достояніемъ науки права (*Neuere Rechtsschulen* 2-е изд., стр. 28).

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ главные пункты этого ученія. Савиньи начинаетъ строгимъ осужденіемъ того высокомерія, съ которымъ философскія ученія XVIII вѣка относились къ исторіи. Мѣсто серьезнаго изученія прошлаго заступили легкомысленныя ожиданія всѣхъ благъ отъ послѣднихъ годовъ, отъ настоящей минуты, которая должна была мгновенно открыть всѣ пути къ абсолютному совершенству. Такъ должно было быть въ дѣлѣ религіи, то же самое въ государственномъ устройствѣ и то же, наконецъ, въ правѣ. Въ результатъ этихъ ученій, въ одинаковой мѣрѣ способныхъ идти на службу и деспотизму и свободѣ, мы имѣемъ обширныя законодательныя предпріятія, кодификаціи, которыя разрываютъ всякую связь съ прошедшимъ, ибо съ ихъ точки зрѣнія право есть ничто иное, какъ такъ или иначе направленная воля законодателя.

Между тѣмъ, всматриваясь въ исторію народовъ, мы видимъ, что появленіе права предшествуетъ всякому зако-

нодательству. Оно составляет продукт народной жизни. Это зданіе, которое воздвигается вѣками. На немъ лежитъ такая же печать народнаго духа, какъ на языкѣ народа, на его правахъ и проч. Юность народа есть преимущественно то время, когда со всею ясностію опредѣляются особыя черты его личности, его характера. Она не богата отвлеченными понятіями, но въ ней ясно сознаніе господствующихъ отношеній. Основы гражданскихъ отношеній, начала семьи и собственности составляютъ предметъ народнаго вѣрованія. Нѣтъ слова, нѣтъ книги, въ которой отразились бы эти вѣрованія, за то они находятъ себѣ выраженіе въ юридической сумболикѣ, которая осязательнѣе и легче всякихъ отвлеченныхъ опредѣленій выражаетъ существо юридическихъ актовъ.

Со временемъ эта непосредственная связь права съ народнымъ сознаніемъ утрачиваетъ свою первоначальную полноту и цѣльность. Съ возрастающей культурой обособляются различныя отрасли дѣятельности. Возникаетъ классъ юристовъ, которые призваны служить выраженіемъ того народнаго сознанія, которое прежде выражалось непосредственно. Связь права съ народнымъ сознаніемъ не прерывается. Она удерживается особенно долго въ государствѣ съ республиканскимъ устройствомъ и раньше уступаетъ мѣсто другимъ явленіямъ въ монархіяхъ.

И такъ, прежде закона и безъ участія законодателя мы имѣемъ жизнь права, въ которую законодатель можетъ вторгнуться нерѣдко смущающимъ образомъ и извратить ея развитіе вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать ему. Наиболѣе опаснымъ актомъ законодателя—и именно въ отношеніи къ гражданскому праву—можетъ быть кодификація. Это родъ узаконенной государствомъ программы, которая отвергаетъ все, на чемъ не лежитъ его печати. Ничто не можетъ такимъ оживляющимъ образомъ дѣйствовать на право, какъ постоянное и многостороннее соприкосновеніе его съ пережитой эпохой. Новый кодексъ такъ часто становится на переکورъ этому общенію, и тогда въ одностороннемъ его изученіи, къ которому онъ самъ приводитъ силой своего виѣшняго авторитета и практику и

школу, лежитъ главное условіе торжества мертвой *буквы* надъ живой дѣятельностью юристовъ и свободнымъ развитіемъ права.

Выборъ времени для кодификаціи составляетъ великую загадку для государственной мудрости. Кодификація можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда наука стоитъ на всей высотѣ своего призванія. При этомъ кодексъ не долженъ задаваться стремленіемъ предусмотрѣть всѣ возможные сочетанія, которыя могутъ раскрыть случайности жизни. Полнота законодательства условливается инымъ, именно, опредѣленіемъ руководящихъ принциповъ, изъ которыхъ необходимые выводы, въ виду юридической практики, легко и свободно создаетъ юриспруденція. Иначе кодексъ будетъ только кажущимся образомъ господствовать надъ практикой, уступая на дѣлѣ или разобщенной съ своимъ живымъ источникомъ юриспруденціи, или шаткимъ требованіямъ естественнаго чувства справедливости, или наконецъ, аналогическимъ построеніямъ

Далѣе слѣдуютъ подтвержденія этихъ взглядовъ на исторіи права римскаго и нѣмецкаго. Требованіе Тибо Савиньи совершенно отвергаетъ. Наше время не призвано къ кодификаціи, и это всего лучше доказываютъ неудачныя попытки въ трехъ государствахъ. Разрѣшеніе этой современной задачи лежитъ въ средствѣ законодателя. Надо, чтобъ нѣмецкая школа и наука обратилась къ изученію прошедшаго, къ обработкѣ тѣхъ основъ, на которыхъ исторически образовалось теперешнее состояніе, т. е. къ изученію римскаго и германскаго права.

Этимъ планомъ Савиньи опредѣлилось послѣдующее движеніе нѣмецкой мысли. Въ сферѣ права ничто не могло подѣйствовать такимъ отрезвляющимъ и возвышающимъ образомъ какъ изученіе его исторіи, и никакой иной методъ не способенъ былъ принести болѣе богатыхъ результатовъ. Наукѣ права было возвращено ея достоинство, ибо только историческое направленіе открыло постоянный матеріалъ для изслѣдованій, независимый отъ случайныхъ движеній воли законодателя. Дѣятельнымъ

органомъ этого направленія служилъ основанный Савиньи, Эйхгорномъ и Гёшеномъ журналъ историческаго правовѣдѣнія. Ученая дѣятельность историковъ и юристовъ Германіи направлена была къ одной цѣли. Противоположеніе исторической и философской школы, особенно съ шумнымъ появленіемъ ученика Гегеля, Ганса, на литературномъ поприщѣ, сообщило еще болѣе живости движенію. Университеты должны были идти во главѣ великой національной задачи. Общія программы преподаванія и обмѣнъ личнаго состава профессоровъ разныхъ университетовъ связали ученую корпорацію въ одно тѣло.

Чтобъ живо представить себѣ, какіе результаты были достигнуты этимъ движеніемъ, достаточно сравнить тяжелыя сѣтованія Тибо на состояніе разработки Римскаго права въ его время, когда онъ говорилъ, что скрытыя богатства Римскаго права въ его глазахъ не больше стоятъ, чѣмъ сокровища въ нѣдрахъ нѣмецкой земли лежащія, которыми надо сперва овладѣть, чтобъ считать ихъ затѣмъ своими;—и гордую рѣчь покойнаго гейдельбергскаго профессора Вангерова, наслѣдника Тибо по кафедрѣ, которой онъ призывалъ вниманіе своей аудиторіи къ Римскому праву. Въ глазахъ недосягаемаго учителя это право, хотя выросшее на чужой почвѣ, силой жизни и еще болѣе *силой науки* стало безспорнымъ достояніемъ нѣмецкаго народа, и если когда нибудь суждено Германіи стать единой въ отношеніи къ ея гражданскому праву, то именно Римское право одно можетъ послужить этой великой національной цѣли. Аудиторія Вангерова, въ которой сходились Нѣмцы всѣхъ ландрехтовъ служила живымъ отвѣтомъ на его призывъ.—И эти результаты были достигнуты прежде чѣмъ успѣло сойти со сцены второе поколѣніе послѣ Тибо. Такова сила науки и школы!

Я не имѣю надобности говорить много о германскомъ правѣ, *какъ національномъ*, въ его отношеніи къ чужому, римскому праву. Достаточно привести два слова одного изъ самыхъ горячихъ и въ тоже время просвѣщенныхъ германцевъ, чтобы понять въ чемъ дѣ-

ло. Только въ наши дни—говорить профессоръ Блунчли—начинають вскрывать великія внутреннія достоинства германскаго права, и оно тѣмъ больше привлекаетъ вниманіе, чѣмъ лучше его познають. Однако эта *научная обработка нѣмецкаго права стала возможною только съ той поры, когда германисты поступили въ школу римской юриспруденціи*. Этимъ явленіемъ, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, преимущественно опредѣляется всемірно-историческое значеніе нашего времени: мы черпаемъ элементы нашей культуры не въ одномъ своемъ прошедшемъ, но обогащаемся многостороннимъ и постояннымъ общеніемъ съ классическимъ міромъ.

Такова историческая школа въ лицѣ ея главнаго представителя. Если гр. Сперанскій не могъ въ ней найти никакой поддержки для того чтобъ составлять свои кодексы, то съ другой стороны онъ могъ съ полнымъ основаніемъ, держась этихъ началъ, сказать: да, право есть историческое и національное явленіе; у насъ есть свое право; право римское не имѣло никогда значенія въ нашемъ отечествѣ, «и хотя *по количеству*, и превосходству въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *римскіе законы* должны занять почетное мѣсто въ изученіи права, но *преподаваніе ихъ не должно играть главной, а только вспомогательную роль*». Графъ Сперанскій сказалъ еще болѣе: *римскіе законы всегда останутся чужды для насъ*.—И такъ дѣло прежде всего въ количествѣ! Какъ будто у насъ въ самомъ дѣлѣ мало законовъ, когда для того только чтобъ собрать ихъ, потребовалось до пяти милліоновъ рублей затраты! Въ образѣ мыслей Сперанскаго, независимо отъ всѣхъ другихъ странностей, отразились слабыя стороны исторической школы, и именно только слабыя ея стороны. Савиньи, установивъ свою историческую точку зрѣнія на право, оставилъ безъ отвѣта, или лучше сказать, не далъ прямого объясненія этого поразжающаго историческаго явленія господства чужаго права въ государствахъ новаго времени. Эти *нѣкоторыя преимущества*, о которыхъ говоритъ Сперанскій, суть по мнѣнію Савиньи преимущества формальныя, превосход-

ство метода у римскихъ юристовъ. Въ ихъ конструкціяхъ по частному вопросу всегда видно, что принципы права со всею ясностью представляются конструирующему. Шталъ напротивъ видитъ эти преимущества въ матеріальной сторонѣ, въ содержаніи римскаго права, въ полномъ и совершенномъ образованіи юридическихъ институтовъ, при чемъ практическая виртуозность классическихъ юристовъ отстываетъ на второй планъ. И тотъ и другой взглядъ на столько исключаютъ другъ друга, насколько оба они страдаютъ односторонностью.

До тѣхъ поръ, пока мы будемъ исключительно держаться въ пониманіи права точки зрѣнія установленной Савиньи, именно точки зрѣнія органическаго выростанія его изъ нѣдръ національности, мы никогда не выйдемъ изъ недоумѣній. Нужна другая точка зрѣнія на право, надо различить въ немъ тѣ моменты, безъ которыхъ никакое право не мыслимо, надо найти ихъ основы въ природѣ человѣка и въ исторіи. Взглянувъ такимъ образомъ на право съ универсальной точки зрѣнія, мы уяснимъ себѣ значеніе Римскаго права, которое оно свободно, безъ всякой виѣшней ауторизаціи, *силой одного своего внутренняго достоинства*, завоевало въ XV вѣкѣ въ германскомъ мірѣ и способно, не смотря на мрачное предвѣщаніе Сперанскаго, сдѣлать новыя завоеванія у насъ.

Этою точкой зрѣнія *универсальнаго характера Римскаго права* опредѣляется пріемъ изслѣдованія и задача величайшаго представителя современнаго научнаго движенія въ Германіи, Рудольфа Іеринга. Я постараюсь, насколько возможно въ короткое время, отмѣтить наиболѣе характеристическія черты его направленія.

Первый историческій фактъ римекой народной жизни представляется намъ не какъ нѣчто природою данное, не какъ племенной наростъ, а какъ торжествующее надъ племеннымъ разнообразіемъ единство, которое не могло быть достигнуто безъ борьбы. Въ этой первой борьбѣ и въ этомъ трудномъ торжествѣ, цѣной утраты всѣхъ признаковъ дѣтскаго, наивнаго состоянія духа, опредѣлились черты римскаго характера, его суровая энер-

гія, строгость, жесткость и житейская мудрость. Я немогу не припомнить характеристики, которую дает римлянамъ одинъ писатель (Holtius): *in moribus eorum tristitia quaedam cernitur et austeritas; fidem, constantiam ac patriae amorem magni faciunt; saepe tamen haec in superbiam vertunt ac crudelitatem.* Они явились на свѣтъ, чтобъ повелѣвать, и если имъ нужно было заимствовать у другихъ народовъ творчество ихъ фантазій, то въ замѣнь они предлагали имъ свои законы и учрежденія. Съ этимъ трезвымъ взглядомъ на жизнь, неспособные къ быстрымъ переменамъ, ни къ колебанію, они самой природой назначены были для культуры права. Такимъ образомъ *принципъ государства и права является торжествующимъ на первой страницѣ римской исторіи надъ принципомъ національности.* Это первая и самая глубокая тайна римской исторіи.

Взявши исходною точкою простую и ясную характеристику римскаго народа, которую далъ Гегель въ философіи исторіи, Лерингъ слѣдующимъ образомъ анализируетъ свойства римскаго духа.

Какъ въ живой природѣ челоуѣка, онъ беретъ двѣ стороны народнаго духа, которыми опредѣляется его историческое призваніе, интеллектуальную и моральную, разумъ и волю.

И такъ, сперва интеллектуальная сторона.

Если мы, не ошибаясь, можемъ обозначить эгоизмъ какъ господствующій мотивъ той игры, которая въ результатъ дала господство Рима надъ всѣмъ древнимъ міромъ, то для ближайшаго разумѣнія явленій необходимо всмотрѣться въ свойства этого мотива римской жизни. Это не былъ эгоизмъ близорукой, мелкой въ своихъ расчетахъ, бессильный и робкій въ своемъ дѣйствіи, который способенъ размѣняться на пустыя выгоды. Мы должны искать его не въ низшихъ формахъ его проявленія. Онъ иначе обнаруживается въ исторіи Рима. Его *цѣли* не суть минутныя, преходящія. Ему, этому народному стремленію, должны подчиняться всѣ расчеты. Необходима строгая выдержка и преданность, нужны же-

лѣзные характеры чтобъ твердо идти этимъ путемъ, нужна ясность сознанія чтобъ видѣть отдаленную цѣль, и эта черта ясно сознанной цѣли составляетъ призму, сквозь которую проходитъ римская мысль. Все должно идти сообразно цѣли, и на самой религіи римской, которую Гегель метко называлъ религіей цѣлесообразности, лежитъ таже печать опредѣленной цѣли. Боги безъ опредѣленнаго призванія не суть боги. Оттуда это любопытное явленіе боговъ съ опредѣленнымъ кругомъ занятій, эта забота, чтобъ и имъ на все достало время, и это начало раздѣленія труда, которое имѣетъ такое же мѣсто на римскомъ Олимпѣ, какъ и въ стѣнахъ вѣчнаго города. Если тамъ, выше, римская мысль не хотѣла знать ничего, кромѣ разчета, то легко себѣ представить, въ какой степени въ дѣлахъ земныхъ идея цѣли составляла послѣднюю задачу римской мудрости. Знатоки римскихъ учрежденій давно отмѣтили ихъ особымъ характеромъ заранѣе обдуманнаго и впередъ сдѣланнаго разчета (Рубино). Согласно объему задачи римскаго духа, по ней, по ея мѣркѣ, распределяются подчиненныя призванія. Близорукій взглядъ, слабая мысль увидитъ въ мелкомъ барышѣ насчетъ права, насчетъ чести, свои цѣли. Римлянинъ знаетъ, что его личное благо условлено благомъ государства, которое онъ носитъ въ себѣ самомъ, онъ знаетъ что этотъ законъ, созданный народомъ къ которому онъ принадлежитъ, что этотъ законъ, стоя на стражѣ общаго интереса, служить и ему. Такимъ образомъ въ его мысляхъ впечатлѣніе минуты никогда не затмѣваетъ послѣдней цѣли, субъективный интересъ интереса государства; никогда относительно низшее не становится на мѣсто высшаго. Культура права была именно назначеніемъ такихъ людей. Имъ удалось съ самаго начала выдѣлить субстанцію права изъ области чувствъ, и, подчинивъ ее разчету, создать изъ права независимый отъ измѣчивыхъ субъективно-нравственныхъ взглядовъ внѣшній организмъ.

Чтобы съ точки зрѣнія моральной силы человѣка характеризовать отношенія Римлянъ къ ихъ задачѣ,

Герингъ беретъ моментъ воли, котораго значеніе такъ важно для права.

Право не есть дѣло только внутренняго убѣжденія, взгляда, знанія, это не есть интеллектуальная, а моральная потенція,—это есть воля. Только воля способна сдѣлать право тѣмъ что оно есть т. е. дѣйствительностью. Право не процвѣтаетъ у народа, неодареннаго твердой волей. Мы отмѣтимъ два свойства, которыя оба тѣсно связаны съ энергіей воли, и оба самымъ полнымъ образомъ характеризуютъ Римъ,—это практическая послѣдовательность и консервативный духъ. Кто дѣйствительно имѣетъ направленную къ опредѣленной цѣли волю, тотъ имѣетъ ее постоянно и до конца. Выдержка и послѣдовательность суть признаки и вѣрные спутники подлинной, настоящей воли. Нигдѣ не обнаруживается эта черта постоянства и консерватизма съ такой силой какъ въ Римѣ. Есть разные роды консерватизма. Есть консерватизмъ отрицательнаго свойства, консерватизмъ несмѣлыхъ натуръ. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ творческимъ гениемъ римскаго народа. Никакое государство не испытывало такихъ революціонныхъ потрясеній какъ римское, но эти революціи никогда не были дѣломъ дикой силы, порывистой и изнуряющей организмъ. Новыя идеи и стремленія медленно, но прочно завоевывали себѣ почву. Никакой успѣхъ не доставался даромъ, и зато, что разъ было завоевано труднымъ путемъ, то никогда не уступало реакціи. Это несокрушимое начало воли проходило одинаково и въ римскихъ завоеваніяхъ и на римскомъ форумѣ, и крѣпость ихъ юридическихъ сооруженій такова, что не смотря на тысячелѣтія, они стоятъ теперь передъ нами непоколебимыя, какъ будто вчера вышедшія изъ рукъ своего творца.

Къ этимъ двумъ внутреннимъ моментамъ прибавимъ еще одинъ, виѣшній,—это централизація всей жизни, торговли, образованія, политической и юридической интеллигенціи въ одномъ городѣ. На римскомъ форумѣ, у подошвы Палатина, собиралось все, что составляло древній міръ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи это было сердце дре-

вняго міра,—для культуры права никогда неповторяющееся условіе. Городъ и деревня жили подъ однимъ и тѣмъ же закономъ.—Если мы сравнимъ это явленіе съ тѣмъ, что происходитъ въ новомъ германскомъ мірѣ, гдѣ въ какомъ нибудь Гессенѣ одновременно дѣйствуетъ около двадцати разныхъ правъ, гдѣ нужно издавать особыя географическія карты, на которыхъ свѣтлыми и темными красками отбѣняютъ разныя права,—намъ будетъ понятно величіе римскаго единства передъ этимъ поразительнымъ разсѣяніемъ юридическихъ центровъ.

Я не успѣю здѣсь оцѣнить въ достаточной полнотѣ значеніе того внутренняго противоположенія, которое выразилось въ двойственной системѣ развитія Римскаго права, съ одной стороны какъ національнаго, только римскому народу свойственнаго *jus civile*, съ другой какъ супранациональнаго *jus gentium*. Вторая система, которая по своей задачѣ есть болѣе философская чѣмъ историческая, но осуществившаяся какъ изумительный универсальный опытъ выработаннаго *для всѣхъ народовъ права*, и выразившаяся не въ отвлеченной только доктринѣ, а, согласно свойству римскаго духа, въ практической формѣ преторскаго эдикта—эта вторая система и составляетъ собственно всемірно историческую заслугу римскаго народа. Этимъ дуализмомъ системъ одновременно существовавшихъ условливалась, конечно, въ самой сильной мѣрѣ небывалая энергія римской юриспруденціи. вмѣстѣ съ окончательнымъ торжествомъ второй системы прекращается блескъ классической юридической литературы. Система *juris gentium*, по выраженію покойнаго профессора Вангерова, была въ основѣ тѣмъ же *естественнымъ правомъ* всѣхъ народовъ, только съ тѣмъ различіемъ, что мы искали началъ нашего естественнаго права *внутри себя*, а Римляне искали ихъ *вокругъ себя*. Отсюда понятно какое орудіе имѣла историческая школа въ римскомъ правѣ для своего торжества надъ субъективными отрѣшенными попытками старой доктрины.

И такъ вотъ, милостив. госуд., въ какомъ видѣ

представляется въ современной наукѣ вопросъ о правѣ, и вотъ какъ опредѣляется отношеніе національнаго развитія права новыхъ народовъ къ универсальному явленію господства Римскаго права. Историческая школа открыла, въ противоположность неисторической или философской, живой источникъ изученія права въ его прошедшемъ. Являясь какъ протестъ противъ философской конструкции права, государства, религіи на произвольныхъ основаніяхъ, возникши въ эпоху, когда національное чувство было возбуждено до размѣровъ страсти, историческое направленіе изслѣдованія не могло не носить на себѣ нѣкоторой печати отрицанія, исключительности, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ всякой живой борьбы. Опредѣлившись въ такое время, когда единственнымъ убѣжищемъ противъ навязчивости универсальныхъ тенденцій было живое чувство національности, оно ограничило методъ изслѣдованія и отвернулось отъ задачъ, не противныхъ его духу, но поставленныхъ выше національнаго побужденія.

Если право есть въ точномъ смыслѣ продуктъ національной жизни и только, то откуда-же въ самомъ дѣлѣ господство Римскаго права въ Германіи? Оно выросло вовсе не на этой почвѣ.

Когда, гораздо позже, разливъ національныхъ чувствъ сталъ вовсе выходить изъ береговъ и грозилъ сломать все, что было создано долгимъ трудомъ и усиленіемъ мысли, Савиньи съ горечью воротился къ своимъ идеямъ національности и выставилъ на смѣхъ публики забавнаго ботаника, который приводя въ порядокъ свой гербарій, выбрасывалъ изъ него всё, что не родилось на баварской почвѣ, думая этимъ стяжать себѣ право на благодарность баварской націи. Намекъ былъ ясенъ, но дѣло было не въ остроуміи.

Новая задача требовала новой силы. Вопросъ долженъ былъ быть иначе поставленъ. Историческіе труды и опыты сравнительнаго изученія права подготовили средства для его разрѣшенія. Надо было снова подняться на высоту философской задачи, но на этотъ разъ

уже не съ однимъ легкимъ запасомъ готовыхъ заранѣе идей, а со всею ношей обильнаго историческаго матеріала. Трудная задача, требующая великихъ силъ, и онѣ нашлись въ Германіи! Я не могу передъ вами оцѣнивать заслуги Иеринга. Это было бы преждевременно, и вамъ самимъ должно быть предоставлено оцѣнить ихъ послѣ серьезныхъ работъ надъ источниками Римскаго права, послѣ многихъ усилій и быть можетъ многихъ колебаній. Вы видѣли въ приведенной выше выдержкѣ его глубокой приемъ пониманія и оцѣнки явленій. Задачу великаго юриста и мыслителя въ его знаменитомъ сочиненіи о Духѣ Римскаго права составляетъ не Римское право, а право само по себѣ, обнаруживающееся и изслѣдуемое на Римскомъ правѣ. Задача существеннымъ образомъ догматическая и философская, а не историко-юридическая. Она именно можетъ быть всего лучше выполнена на Римскомъ правѣ, ибо въ немъ полнѣйшимъ образомъ исторически реализировалась отвлеченная идея права. Это незначить что Римское право составляетъ нѣчто непреложное, непогрѣшимое на вѣчныя времена, или что съ однимъ Римскимъ правомъ можетъ обойтись какая либо изъ современныхъ національностей; это значить только, что въ немъ тотъ существенный и общій элементъ, который составляетъ основу всякаго права, развитъ въ такой степени, какъ нигдѣ. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ въ современной наукѣ, что даже въ тѣхъ вопросахъ, которые повидимому служатъ именно особымъ признакомъ нашего времени—въ вопросахъ, напримѣръ, о бумагахъ на предъявителя, полисахъ, государственныхъ облигаціяхъ, закладныхъ листахъ,—то же Римское право до сихъ поръ продолжаетъ служить солиднѣйшею основой для научной конструкціи.

Такимъ образомъ сама теорія права въ ея новомъ движеніи, которое справедливо слѣдуетъ обозначать именами Иеринга и Кирульфа, какъ историческую школу обозначали именами Савиньи и Пухты, сама наука права становится въ тѣснѣйшую связь съ изученіемъ Рим-

скаго права (намъ не хотѣлось бы опять припоминать тяжелое предчувствіе Сперанскаго).

Дошедши до этой цѣли моего очерка, я не думаю чтобъ вопросы, поставленные мною въ главѣ чтенія, могли встрѣтить какія либо трудности въ своемъ разрѣшеніи. Мы видѣли, что право составляетъ живое явленіе народнаго духа. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ временемъ элементъ техническій въ гражданскомъ правѣ беретъ верхъ надъ политическимъ элементомъ. Выдѣляясь изъ другихъ сферъ жизни, оно становится своеобразнымъ организмомъ, котораго разумѣніе составляетъ задачу науки. Непосредственно постигнуть систему гражданскаго права также невозможно, какъ невозможно непосредственно создать ее. Мы имѣемъ передъ нами тысячелѣтней жизнью накопленное и настойчивымъ трудомъ нашихъ сосѣдей освоенное богатство народа, «котораго все призваніе составляла культура права, котораго юристы были для него тѣмъ же, чѣмъ пророки для Израиля, философы и художники для Греціи», т. е. величайшими вѣстниками народнаго духа. Передъ нами лежатъ ихъ писмена, эти книги Пандектовъ, которыя такъ долго служили библіей для юристовъ всего свѣта. Наше отношеніе къ этимъ богатствамъ классической науки не опредѣлились нашимъ прошедшимъ, и конечно, самой существенной причиной была наша отдаленность отъ центровъ цивилизаціи, которую такъ легко побѣждаетъ новое время. Въ суровой исторіи нашего государственнаго быта долгое время не могло быть рѣчи о свободномъ развитіи мысли и науки. Но можетъ ли этимъ прошедшимъ опредѣляться наша будущность? Народъ призванный ассимилировать большое разнообразіе чуждыхъ элементовъ, государственная власть, повелѣвающая полуміромъ, котораго предѣлы шире старой имперіи цезарей, не можетъ выполнить своего историческаго призванія не имѣя орудій, которыя соотвѣтствовали бы задачѣ. Пути, которыми создалось русское гражданское право, не приведутъ насъ къ цѣли.

Дѣйствительнаго господства надъ практикой судовъ не можетъ достигнуть нашъ гражданскій кодексъ, воз-

никшіи въ такую эпоху, когда на всемъ еще лежалъ казенный или сословный типъ. Гдѣже мы должны искать основы для того, чтобъ призванная восполнить недостатокъ закона наша практика не входила сама съ собою въ непрерывное противорѣчіе, или слѣдуетъ предоставить этотъ вопросъ простой игрѣ случая? Наши кассационные департаменты находятся въ этомъ отношеніи совершенно въ томъ же положеніи, какъ и другія судебныя учрежденія. Школа нашихъ юристовъ есть почти исключительно практическая, а практика обыкновенно увлекаемая задачами отдѣльнаго случая теряетъ изъ виду общую конструкцію. Известно, что до рецепціи Римскаго права въ Германіи господствовала таже беспомощность практики, и только постепенное занятіе высшихъ судебныхъ назначеній докторами Римскаго права вывело Германію изъ варварскаго хаоса. Намъ нечего завидовать этому времени слѣпнаго поклоненія римскому праву, и нѣтъ никакой надобности, чтобъ оно было пережито нами, какъ не можетъ быть надобности подвергать себя тяжелымъ ударамъ, испытаннымъ Пруссіей и приведшимъ ее къ системѣ всеобщаго вооруженія, для того чтобы ввести у насъ эту систему. Мы находимся во всѣхъ отношеніяхъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Русское право не можетъ потерять, а можетъ только выиграть отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ, какъ выиграло германское право. Съ другой стороны, наука права и школа поставлены опытомъ нашихъ сосѣдей въ такое правильное отношеніе къ ихъ задачамъ, что намъ остается только ясно взглянуть на дѣло, чтобъ угадать путь, которому мы должны слѣдовать.

Это путь преобразованія нашего юридическаго воспитанія по образцу европейской юридической школы, путь по которому сдѣланъ былъ въ этомъ, столь богатомъ всемірно-историческими событіями году, великій шагъ впередъ введеніемъ серьезныхъ основъ классической школы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только отъ юристовъ, которые образовались въ такой школѣ, можно требовать, чтобъ они были дѣйствительно юристами,

не по одному только имени. Только люди такого закала способны стать въ уровень той задачѣ, которая возложена на русскихъ юристовъ свѣтлой мыслью законодателя, исполненнаго любви и ожиданія.

Мнѣ не достало бы времени, чтобы показать Вамъ различное отношеніе, въ которое поставлена Франція, Австрія, Пруссія и Италія къ вопросу о классической юридической школѣ. Я обращаю ваше вниманіе только на самыя яркія явленія.

Французы, послѣ долгаго бреда національной гордости, когда всѣ занятія юристовъ сведены были къ изученію кодовъ, и по римскому праву преподавались одни институты, должны были въ послѣднее время расширить программу классическихъ студій и воротиться опять къ объясненію текстовъ забытаго римскаго права. Вліяніе Франціи на Италію уступаетъ съ каждымъ днемъ нѣмецкому авторитету, и способъ преподаванія въ знакомыхъ мнѣ университетахъ, въ Падуѣ, Болоньѣ и Неаполѣ приближается къ нѣмецкому. Любопытно положеніе Австріи. Она также ввела въ 1810 году новый порядокъ преподаванія, въ которомъ на Римское право назначалось по два часа въ день въ теченіи одного полугодія, — въ цѣломъ столько-же часовъ сколько во Франціи. Возможно было преподавать только институты. Въ какое состояніе приведена была австрійская наука и школа этими реформами, мы можемъ судить по тому, что въ настоящее время, при возобновеніи классическихъ занятій, Австрія не могла сыскать своихъ романистовъ, и изъ числа пяти лицъ, преподающихъ въ вѣнскомъ университетѣ римское право, трое принадлежатъ Германіи и двое австрійцы только по происхожденію, а не по школѣ.

Любопытенъ взглядъ Савиньи на принятый во Франціи и Австріи способъ преподаванія, ближе всего подходящій къ нашему и совершенно соотвѣтствующій идеямъ Сперанскаго. Савиньи говоритъ: съ введеніемъ новыхъ кодексовъ Римское право должно было служить только вспомогательнымъ средствомъ въ преподаваніи. Трудное изученіе деталей перестали считать необходимымъ. Довольно было

того, что называется духомъ римскаго права, и что собственно составляетъ вводный курсъ, несомнѣнно полезный для тѣхъ, кто хочетъ идти далѣе. Это самыя общія понятія, безъ критики, безъ приложенія и особенно безъ отношенія къ источникамъ. Всѣ это, конечно, ни къ чему не ведетъ, и если не хотять дѣлать бѣльшаго, то и это малое время, которое употребляется такимъ образомъ, можно считать совершенно потеряннымъ.

Вотъ мысли Савиньи.

Единственная страна, которая осталась, не смотря на введеніе новаго кодекса, вѣрной старымъ преданіямъ классическаго юридическаго воспитанія—это Пруссія, и она наслѣдуетъ отъ Франціи, конечно, не одни лавры, но, и еще съ гораздо большимъ правомъ на уваженіе, она перебьетъ у Франціи первенство въ вопросахъ юстиціи и законодательства.. *)

Если исторіи и опытъ народовъ не составляетъ пустой игры, въ которой господствуетъ темная сила случая, мы не должны отворачиваться отъ этихъ явленій. Чередъ первенства въ наукѣ права переходилъ вмѣстѣ съ изученіемъ Римскаго права отъ Италіи къ Франціи, отъ Франціи къ Германіи. Это давно разгаданная связь явленій. Если мы когда нибудь хотимъ вступить въ эту очередь, мы должны слѣдовать тому пути, который одинъ способенъ привести къ цѣли, мы должны остановиться на той программѣ воспитанія юристовъ, которая принята теперь въ Германіи. Она вся основана на изученіи Римскаго права. Еслибъ можно было себѣ представить состязаніе между двумя школами, изъ которыхъ въ одной не преподается ничего кромѣ Римскаго права и въ другой все за исключеніемъ этого

*) Я приведу нѣкоторыя цифры, которыя, думаю, не будутъ лишены интереса для читателя. Въ нѣмецкихъ университетахъ на полугодіе 69/70 г. объявлены были 84-мя профессорами курсы по Римскому праву. Въ Берлинѣ изъ числа 18 профессоровъ 6 преподаютъ этотъ предметъ, въ Гейдельбергѣ изъ 17—7, въ Лейпцигѣ изъ 18—8, въ Гиссенѣ изъ 6—3, въ Галлѣ изъ 8—5.

предмета, но... бы за перво
ибо никакая школа... не пріискала себѣ
лучшаго учителя, чѣмъ... Magnus Doctor, какъ на-
зывалъ Римское право... Никакія виѣшнія
средства, никакая новая кодификація не можетъ за-
мѣнить недостатка правильной школы. До сихъ поръ
мы не хотѣли серьезно остановиться на этихъ вопросахъ
и ждали всякихъ благъ сверху. Теперь мы предостав-
лены себѣ. Легко было обходиться духомъ Римскаго
права, когда суду дозволено было искать каждый часъ
опоры въ законодателѣ. Иное положеніе дѣлъ теперь, когда
судь самъ обязанъ имѣть всегда на все готовый отвѣтъ.
Теперь мало одного духа, нужна сама юридическая
матерія классическаго міра, нужна серьезная и продол-
жительная работа надъ источниками. Эта работа надъ
источниками должна составлять всю задачу школы, и
съ нею вмѣстѣ явятся отвѣты на множество недоумѣній прак-
тики. Едва наша школа станетъ въ правильное отношеніе
къ своей задачѣ, какъ внутреннія силы Римскаго права
дадутъ себя почувствовать въ жизни и въ практикѣ *по*
ratione imperii sed rationis imperio — *не разумомъ власти,*
а властью разума.

Н. ДЮВЕРНУА.

Переверстано изъ Временника Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ типографіи Г. Фалькт.